

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«МАГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ»

Наталья Жильцова
«Глория. Пять сердец тьмы»

Елена Малиновская
«Провинциалка в высшем свете.
Дым без огня»

Аня Сокол
«Призраки не умеют лгать»

СКОРО!

Ева Никольская
«Зачарованный город N»

Алиса Одинцова
«Любовь и мафия»

Свѣтъ
СОКОЛ

— ПРИЗРАКИ —
НЕ УМЕЮТ
ЛГАТЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Серийное оформление — *Екатерина Петрова*

Иллюстрация на обложке — *Андрей Липаев*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Сокол, Аня.

С59 Призраки не умеют лгать : [роман] / Аня Сокол. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Магический детектив).

ISBN 978-5-17-096223-5

В книге, УВЫ, нет:

1. Ехидных девок, сующих нос куда надо и не надо. Разве что бабка-соседка со шваброй наперевес.

2. Эльфийских принцев, восхищающихся к месту и не к месту вставленными остротами. Есть пси-специалисты, спасающие людей от призраков, даже если это несет боль.

3. Суперспособностей, дабы громить врагов по поводу и без повода. Иногда способность оставаться человеком важнее любой магии.

Вы еще не передумали? Тогда добро пожаловать в Империю камней!

Землю, где души умерших не уходят в свет, а возвращаются.

Не к тем, кто безутешен и готов отдать все за один взгляд, за одно прикосновение, а к тем, кто с ужасом ждет встречи, кто ярко горит в ночи осознанием собственной вины.

К обидчикам, к ворам, обманщикам и убийцам.

И только пси-специалисты стоят между требующими справедливости призраками и людьми.

Только псионники. И еще камни.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096223-5

© А. Сокол, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ГЛАВА 1

БЛУЖДАЮЩИЕ

Я провела пальцем по стеклу, на коже остался серо-белый след строительной пыли. Окна недавно поменяли, свалив у дверей мешки с мусором. На улице накрапывал мелкий морозящий дождик, оседая на белом пластике выпуклыми капельками. За стёклами до самого горизонта, насколько хватало глаз, простиралось кладбище. Неровные ряды крестов и памятников, огороженных кривобокими, разномастными оградками, начинались сразу за объездной дорогой. Начинались и не заканчивались. Ворошки — самый большой и, что ещё важнее, единственный могильник в империи. Кому захочется тут жить?

Я улыбнулась и сделала на грязном полу пируэт. Ничто не могло испортить мне настроения. Не сегодня. Ремонт близился к завершению, скоро у меня будет своя, отдельная квартира, и плевать на то, что там за стеклом. Плевать на пятый, последний, этаж и отсутствие лифта, плевать на воняющий кошачьей мочой подъезд и угрюмых соседей.

Можно ли было предположить, что, приехав в маленький городок на краю империи, скромная учительница бальных танцев обзаведётся своей школой и квартирой? Правильно, нельзя. Их у меня и не было. Танцкласс мы открыли вместе с партнёром на базе местного Дома культуры, детей немного, но, сколько есть, все наши. А деньги на квартиру мне одолжили родители, желая избавиться от прелестей коммунального проживания. Чудес не бывает.

В открытую створку влетел порыв чистого воздуха. Ветерок сделал круг по комнате, взметнул серую пыль и ринулся ко мне. Кожа похолодела, висевший на цепочке под одеждой голубоватый кристалл, наоборот, нагрелся и, слабо кольнув грудь, отразил атаку призрака.

Что сделали тебе живые, если твоя ярость не утихает и после смерти? Почему ты блуждаешь по миру? Слишком много мёртвых в нашем городе, людям с ними тесно.

Потянувшись к створке, я вновь ощутила озноб, призрак был настойчив. Кад-арт, как обычно, справился.

— Эилоза?

Ещё одна атака. Я со вздохом расстегнула рубашку, подцепила цепочку и сняла камень разума, положив на подоконник. Блуждающий тут же ударил вновь. Меня накрыла пси-атака — размытое видение короткого полёта и земля, принимающая сломанное тело в свои твёрдые объятия. Темнота.

Слабенько, навскидку интенсивностью онна¹ три, не больше. Образы только зрительные, ни чувств, ни ощущений.

— Что случилось?

Нет ответа. Эилоза сегодня хм... не в духе. Я отвернулась от окна, в тёмном проёме коридора появились сперва едва заметные, а потом всё более обретающие материальность очертания хрупкой женской фигуры.

Передо мной стояла девушка. Никакой полупрозрачности, никакой молочно-серой дымки, приписываемой призракам людьми. Обычная девчужка из плоти и крови... на вид. Блуждающие редко показываются живым. Во-первых, носящим кад-арт не доверяют, а во-вторых, при материализации они растрачивают силы и несколько дней не способны атаковать.

В стабильном состоянии призраки способны общаться почти как люди, то есть разговаривать, сидеть, ходить, брать предметы, пользоваться ими. Затруднения возникают при прямом физическом контакте с живыми. Учёные объясняют это излучением тела, биоритмом, несовместимым с условной формой блуждающих, который разрушает их временные оболочки.

Один раз из любопытства я взяла девочку за руку. Одну, две секунды всё было в порядке, лишь на ощупь несколько необычно, словно держишь птицу, мягкую, хрупкую, невесомую. А потом призрак лопнул, растёкся вязкой липкой субстанцией, как растаявшее желе. Хорошо, что жидкость без цвета и без запаха и, высыхая, не оставляет пятен или каких-то других следов, иначе уборки дня на два — вся комната была забрызгана.

¹ Единица измерения пси-атаки, проникновения.

ПРИЗРАКИ НЕ УМЕЮТ ЛГАТЬ

Что случилось?

Более глупого вопроса блуждающему не придумать. Всё, что могло, с ним уже случилось. И теперь призрак четырнадцатилетней девчухи посещал меня с завидной регулярностью.

— Много чего.

— Рассказать не хочешь?

— Нет.

Будь на её месте обычная девчонка, я бы не приняла ответ. Но мёртвые всегда говорят правду. Они не лукавят, не набивают цену, не играют в игры. Значит, обычная повседневная ненависть той, что вернулась с того света, к той, что ещё не уходила.

— Ты... ты, — яростно прошипел призрак.

— Про себя я всё знаю, — я снова отвернулась. — Тебя я не убивала.

Дождь кончился, но похолодало ещё больше. Ночью подморозит, лужи покроются тонкой, юной паутиной льда, хрупкого, готового сломаться от любого прикосновения.

Коммуналка встретила меня запахом щей, и, в отличие от тишины окраин, детским плачем и руганью Вариссы.

Старуха громогласно отчитывала местного алкоголика Сёму. Семафора. Если говорить честно, то от одного имени мужика неудержимо тянуло выпить, так что мы старались его не провоцировать.

— Что я тебе вчера говорила? Ась? Не слышу?

Сёма в ответ неразборчиво забурчал:

— А нечо по чужим окнам лазить. Во всем у тебя приبلудные виноваты!

Уважения к призракам бабка не испытывала, легко переименовав «блуждающих» в «приблудных», что, по её мнению, как нельзя лучше отражало привычки сущностей, вернувшихся с того света.

— Окстись, что люди-то подумают? Будут они твои байки слушать. Ленка — девчонка ещё молодая, ей замуж пора. А ты? Тьфу. Окаянный...

Длинный тёмный коридор был завешен непонятно чем. Треснувший таз, цинковое ведро, велосипед со спущенными шинами, сломанные лыжи, старая детская коляска. Хлам, беспорядочно развешенный на крупных ржавых гвоздях, ветошь,

с непонятным трепетом хранимая годами и передаваемая по наследству неблагодарным потомкам.

Понять, из-за чего шум, несложно. Сёма по обыкновению, вернее, по пьяни решил вернуться к себе коротким путём. Не огибать бесконечный, похожий на кишку дом, а войти через окно, благо живём на первом этаже. Почему через моё? Потому что своё он давно заколотил, правда, и сам не помнил зачем. Наши комнаты рядом, так что он не смущался пользоваться моим, но без особой наглости. Полагаю, тут он и наткнулся на блуждающую. Наверняка воем весь дом перепугал.

— Теська, уйми, наконец, мальчика! — рывкнула бабка.

Плач прервался, обрушив на уши ватную тишину, чтобы возобновиться с удвоенной силой.

— Нечо тама орать! — крикнули с противоположной стороны. — Напугали, а теперича права качают.

Дом! Милый дом.

Бабка тут же выглянула в коридор, словно по голосу не поняла, кто это у нас такой смелый. Очень захотелось спрятаться, нырнуть за приземистый ящик с картошкой.

Наша бабушка — носитель прозрачного колеманита, камня крепких как телом, так и духом. Кад-арт бойцов, лидеров, наставников. Тех, кому мой по природе своей вынужден подчиняться.

— Алленария, — умилилась Варя, словно увидев двухлетнюю малышку. — Я щей сварила. Мой руки, и обедать.

Сёма уныло сидел на полу между столами. Вообще-то мужик он здоровый, в смысле комплекции, даже в таком положении обросшая макушка возвышалась над столешницами.

Камень разума у Семафора редкий — оранжевый ванадинит. В переводе «телохранитель», как от угрозы извне, так и от саморазрушения. Если с первым кристалл справлялся блестяще (Сёма даже зимой под лёд проваливался, и ничего, выбрался, ни разу не чихнув), то со вторым были явные проблемы. Сосед пил основательно.

Сам мужик называл свой образ жизни протестом против общества, против predeterminedности, сопровождающей всех жителей Империи Камней. Глупец. Протестуй не протестуй, а жить на земле, где покойникам не лежит в земле согласно записям в реестре, без кад-артов нереально. А уж какой камень

ПРИЗРАКИ НЕ УМЕЮТ ЛГАТЬ

тебя выберет: безликий или идентифицированный, — неведомо. Кому знать, как не мне, и ничего, живу потихоньку.

Я села к столу и поймала жалобный, голодный, а главное, абсолютно трезвый взгляд Сёмы.

— Баб Варь.

Варисса словно ждала этой просьбы. Повернувшись, она грохнула о стол ещё одну тарелку. Несколько капель оставили некрасивые отметины на бежевой клеёнке. Сосед тут же пристроился рядом.

— Жалеешь? — принялась рассуждать бабка. — Не жалей. Ославит на весь дом, плакать будешь. Опять через окно лазил. Дверь-то зачем нужна? Тебя спрашиваю, — она отвесила мужику подзатыльник.

Сёма никак не отреагировал на рукоприкладство, разве что прихлёбывать стал интенсивнее.

— И всё равно хорошего мало. Здоровый лоб, вечером, да к девице...

Польщённый Сёма неразборчиво хрюкнул, заслужив ещё один подзатыльник. Я пожалала плечами. Вот было бы хорошо, может, парни шарахаться перестанут. Хотя вряд ли, кад-арт любые слухи пересилит.

— Он у тебя пузырь разбил, — грустно сказала Варисса. — Вонница теперь.

Я вопросительно подняла бровь. Семафор с болью в глазах кивнул.

— А всё твоя приبلудная... — запал у бабки прошёл, и она присела рядом, задумчиво подперев щёку кулаком. — А может, брешет?

Мужик возмущённо дёрнулся, но промолчал, вовремя втягивая голову в плечи, и хрупкая морщинистая рука загребла воздух.

— Ленка, хвост ведь на всю жизнь, — грустно заметила Варисса.

Я с сомнением посмотрела на соседа, но тот не отвлекался от тарелки. Что-то тут не сходилось: Эилоза была со мной. Даже призрак не может находиться в двух местах одновременно. С кем столкнулся сосед и кого испугался? Бабка права, это хвост. Но он у меня один.

Звонкий стук ладошек об пол отвлек её от тягостных раздумий. В кухне появился годовалый Арти. Фиолетовый камешек

волочился по полу на простой белой верёвке. Мы не заметили, как стих плач. Стоя на четвереньках, Арти оглядел кухню и тут же сосредоточился на более важном, а именно вытягивании провода из-за стола.

— Теська, — бабка подхватила мальчика на руки и вышла в коридор. — Ты будешь заниматься ребёнком или нет?

Ответили ей нецензурно — Варя в долгу не осталась, похоже, у неё открылось второе дыхание, а может, третье или четвёртое. Зря Теська нарываётся, запас прочности у бабки большой.

Сполоснув тарелки, я подмигнула грустному Сёме и пошла к себе. Вторая дверь от кухни была приоткрыта, никто не видел надобности запираяться от соседей. Первое, что бросилось в глаза, это подсохшее коричневое пятно на пороге, косяке и даже обоях. Резкий запах спиртного неприятно щекотал ноздри. Осколки уже убрали.

Может, действительно пора запретить Семафору тут лезть? Дело не в слухах и соседях. Ничего не изменится, даже если я в каждое полнолуние буду танцевать голой на лавочке. Мой кад-арт — моя защита и проклятие.

Примерно треть всех камней идентифицированы, отражают внутреннюю суть владельца, его основные качества. Мой — сапфир. В простонародье — «камень монахинь». Олицетворяет чистоту, целомудрие, невинность, веру, постоянство. Казалось бы, будущее предопределено, но... не хочу в обитель, и всё. Так я и заявила двум монашкам, как-то пришедшим к нам в дом. Женщины даже растерялись — судя по камню, хотеть обязана. Они пришли, чтобы распространить Божью милость, а девчонка нос воротит.

От этой милости в личной жизни одни проблемы. Вернее, в её отсутствии. При первой встрече мы смотрим не в глаза человеку, а на его камень. Стоит парню увидеть мой кристалл, как он тут же начинает смущаться, прятать до этого чересчур активные руки за спину, некоторые даже краснеют. Так бы и ходила до сих пор в девственницах, если б не Влад. Мой партнёр и в танце, и в работе. Как-то раз, напившись, мы проснулись в одной постели. Жаль, что воспоминания об этом у меня сохранились смазанные. После полугодового отчуждения и чувства взаимной неловкости, мы откровенно поговорили, высказали претензии, избавились от недомолвок и тем

ПРИЗРАКИ НЕ УМЕЮТ ЛГАТЬ

самым спасли дружбу. Сейчас Влад — добропорядочный отец семейства, имеет жену Нату, двух сыновей-погодков, Валериана и Динатира, и тещу Бориславу, постоянно косящуюся на меня с подозрением.

Я же по-прежнему одна.

После обеда мой путь лежал в строительную контору. Раз в неделю нужно было рассчитывать с ремонтной бригадой, просматривать и утверждать смету, на деле сокращать её вдвое. Заехав в банк, я вставила в порт терминала свой кад-арт. Машина начала обработку данных. Сигнал известил об окончании операции, на экране быстро сменяли друг друга надписи: «начислена сумма», «не забудьте взять квитанцию», «претензии без квитанции не принимаются».

Камень разума снова был убран под рубашку, подальше от нескромных глаз. Кто придумал встраивать в кад-арт чип и использовать вместо документов и кошельков? Тут и паспорт, и свидетельство о рождении, и страховой полис, и диплом, и пропуск.

Кристалл — носитель всех сведений, плюс именной счёт с деньгами. Из наличности в ходу остались мелкие монетки, которыми можно расплатиться с уличными торговцами и в транспорте. По закону, каждая торговая точка обязана иметь терминал.

С одной стороны, хорошо. Документы всегда при себе, в сохранности, кристаллы практически невозможно потерять, разрушить или украсть. Если и сведёт вас нелёгкая с сумасшедшим, позарившимся на кад-арт, отдавайте. Имперский корпус правопорядка найдёт его минут за десять. Достаточно ввести в поисковую систему личный код — и местонахождение камня определяют с точностью до сантиметра.

Но всегда есть другая сторона. Людей уже давно стали судить не по их поступкам, а по тому, какой камень они носят, по его свойствам, а не по чертам характера, именно поэтому меня так настойчиво сватают в монастырь.

К выцветшему остановочному комплексу, разбрызгивая грязь, подъехала маршрутка. Выскочив, я подняла глаза к хмурому небу — набрякшие влагой облака низко висели над городом, того и гляди, дождь пойдёт снова. Как назло, лучшие

строительно-отделочные конторы находились почти на границе города. На границе с Ворошками. Пятьсот метров по объездной дороге, поворот направо. Просёлочная дорога. Приставучая рыжая грязь, размытая дождями и замешенная колёсами большегрузных автомобилей, липла к ботинкам.

Мобильный завибрировал в кармане, когда уже был виден длинный деревянный барак, весьма качественно переделанный в офис и склад материалов.

— Привет, мам!

— Что у тебя с квартирой? Ремонт закончили? — спросила она и, не давая ответить, быстро заговорила: — У Маньки Мироновой, соседки, беда. Один из прежних владельцев оспорил сделку по суду, и тью-тью квартира. И прежнюю не вернуть, и новой нет. Деньги, конечно, вернули, но теперь на них такое жильё не купить, вот я и думаю...

Мама свято уверена, что мне есть дело до всех её знакомых, друзей, знакомых друзей, их родственников, парикмахеров, врачей.

— Не занята? Я тебя отвлекаю?

— Не-е-ет, — протянула я, задумчиво рассматривая сетчатый забор, огораживающий стоянку. — Всё хорошо, мам. Правда.

— Денег хватило? Если нет, скажи. Мы вышлем или привезём. С переводами сейчас надо поосторожнее, слышала о мошенниках...

Я отключилась от разговора, оставив его протекать по краю сознания. Папа всегда говорил: «Нашей маме надо дать выговориться, это не остановить, только пережить, как стихийное бедствие».

— Да, да. Обязательно позвоню, — чётко уловила я момент прощания. — Не волнуйся. Привет папе.

Захлопнув телефон, я потёрла виски. Родителей люблю, но не понимаю. Как и большинство моих сверстников. Вечные проблемы отцов и детей. Их приверженность к раз и навсегда установленным порядкам, по которым нельзя даже переставить полку для обуви к противоположной стене, а хлеб надлежит покупать только до обеда и только в одной булочной, апельсиновый сок выжимать вручную, вызывала глухое раздражение. Одно время мама любила пошутить на тему папиной привлекательности и непостоянства. «Грехи молодости», — усмеха-

ПРИЗРАКИ НЕ УМЕЮТ ЛГАТЬ

лась она. Говорят, он остепенился лишь после моего рождения. В отличие от мамы и бабушки не вижу ничего смешного в супружеской измене.

Не знаю, какое из множества мелких, но ежедневных недопониманий было причиной моего решения жить отдельно. И не просто отдельно, а в другом городе. Конечно, немаловажную роль сыграло наличие комнаты в коммунальной квартире именно в Вороховке, а также поддержка Влада.

Поначалу я чувствовала себя предательницей, в волнении названивала домой по нескольку раз в день. Перепугала родителей так, что они примчались, бросив все дела, намереваясь забрать своё единственное, излишне впечатлительное чадо обратно. Так что все успокоились и смирились с моим выбором отнюдь не сразу.

Порыв ветра ударил в грудь, заставив пошатнуться. Лишь ощутив озноб, рябью пробежавший по коже, и потеплевший кад-арт, я поняла, что это не просто воздух.

Блуждающий оказался настойчив, вторая атака заставила настрожиться впервые за двадцать пять лет жизни бок о бок с призраками. Воздушная волна чуть не опрокинула на землю, камень разума обжёг кожу, от холода удара на мгновение онемело тело. Навскидку восемь онн, предел камня десятка, чуть выше — и мозг сгорит в чужой боли. Я выдохнула, выпустив наружу ледяное облачко, и сделала то, что никогда не рекомендуют делать псионники, проводившие с нами тренинги чуть ли не с первого класса. Бросилась вперед. Побежала, зная, что это бесполезно; зная, что призрак без тела быстрее любого живого; зная, что в случае движения жертвы удар будет вдвое сильнее, энергия тела сработает против меня. Но ноги сами несли по направлению к белой стене, пару мгновений назад казавшейся такой близкой, а теперь — недостижимой. Там люди. Живые. Они помогут, вызовут специалистов, блуждающего усмирят.

Ледяной шквал накатил с затылка, растёкся по позвоночнику, лишая возможности двигаться, мышцы свело судорогой. Я словно налетела на невидимую стену. Мир замер, а потом завертелся. Рыжие брызги разлетелись в стороны, ладони загребли мягкую, тёплую грязь. Кад-арт горел, пытаюсь отразить атаки. Голова наполнилась туманом, неясными образами и болью.

АНЯ СОКОЛ

— Нет. Это не моё, — крик, как тщетная попытка отстраниться от удара блуждающего.

Виски сдавило стальным обручем, белая стена, олицетворяющая безопасность, поплыла. Отчаянно моргая, я старалась смахнуть слезы. Вспышка чужой агонии пронзила тело насквозь. Спазм заставил выгнуться дугой от боли. Предо мной словно опустили тёмную завесу. Последнее воспоминание — мягкая раздражающая вибрация в боку и мелодия, обычно заставлявшая мгновенно откидывать крышку телефона.

— Зачем ты её сюда притащил? Она же *стёртая*, — сердитый голос то отдалялся, то приближался.

— Предлагаешь оставить там? — хрипло спросили у него. Лица коснулось что-то прохладное и влажное.

— Мне без разницы. Такие атаки отслеживаются в обязательном порядке, и куда, думаешь, первым делом заявятся психонники? Тебе оно надо?

— Мне надо, — прошептала я и открыла глаза.

Надо мной склонились двое смутно знакомых мужчин. Парни, нанятые для ремонта квартиры: на ловца, как говорится, и зверь бежит, — вот только деньги сейчас волновали меньше всего.

— По-по-помоги-и-и-те вста-а-ать, — попросила я.

Голос дрожал, как и всё тело. Не знаю, от страха или последствия атаки, но трясло меня так, что зубы лязгали.

Один из них тут же обхватил за плечи и приподнял, аккуратно усаживая на бежевом диване. Грудь отозвалась ноющей болью.

— Как себя чувствуешь? — заботливо спросил хриплый голос.

Антонис, вспомнилось имя.

— Помнишь, кто ты? Где живёшь?

— Да, — кивнула я, чуть не прикусив язык. — И пппомню, чттттто выдаааала вам аванннис. — Получилось не очень внятно, но они поняли.

— Повезло, — протянул сердитый парень, имя которого упорно не желало вспоминаться. — Не успел блуждающий.

— Служжжбу контроооля вызвали? — я спустила ноги и встала. Вроде ничего, грудная клетка ноет, дрожь ещё не стихла, но в целом жива и относительно невредима. Одежду

ПРИЗРАКИ НЕ УМЕЮТ ЛГАТЬ

покрывали живописные разводы подсыхающей грязи, куртку парни с меня сняли, так что выглядело всё не так страшно, как было на самом деле.

— Уверена, что хочешь этого? — переглянувшись с напарником, осторожно спросил Антонис.

— Э-э-э... Лена, если не ошибаюсь, — сердитый парень приблизился и посмотрел на меня с интересом и недоумением. — Ты знаешь, кого блуждающий способен атаковать с силой сверх десяти онн?

Знаю, как и любой другой в Империи Камней. Своего убийцу.

— Я никого не убивала, — заикание уступило место по-детски обидному изумлению.

— Мы верим, — быстро добавил Антонис, пожалуй, чересчур быстро. — Но привидения никогда не врут. Кому из вас поверят псионники?

В его словах был смысл, пусть неприятный, но был. Над этим стоило подумать.

Я точно знаю, что никого не убила ненароком. Неужели теперь придётся это доказывать? Сложно ли доказать факт, который никогда не подвергался сомнению?

Наверное, поэтому я растерялась. Хуже, чем растерялась, забыла всё, чему меня учили. Всё, что мне когда-то говорила Нирра. Забыла и саму Нирру...

— Уходи, — потребовал сердитый. — Без обид, но связываться со службой контроля мы не хотим.

Я повернулась к Антонису, слабо надеясь на поддержку, но тот опустил глаза.

Обычная дверь показалась проходом в другой мир. Надо выйти туда, снова встать перед призраком. Пусть блуждающим никакие стены не помеха, но атаковать они стараются, когда жертва остаётся в одиночестве. Правда, бывают и исключения, всё зависит от желания свести счёты.

Я со злостью сдёрнула куртку со стула и вышла, громко хлопнув дверью. Запалахватило ненадолго, шага на три от крыльца.

Что же делать? Затравленный взгляд по сторонам. Бесплезно, пока атака не повторится, человек и знать не будет, что он рядом. Служба контроля. Они могут помочь. Помочь со-